

А. Ф. Щербаков

**СЕМАНТИКО-ГРАММАТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ
СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ ИМПЕРСОНАЛЬНОСТИ
В РУССКОЙ, ПОЛЬСКОЙ И БОЛГАРСКОЙ ЛИРИКЕ ***

Рассматриваются способы реализации имперсональных значений в лирических стихотворениях современных российских, польских и болгарских поэтов, выявляются типологические характеристики, определяющие соотношение лексико-семантических и функционально-грамматических признаков языковых единиц при выражении безличности в контексте.

The article examines the means of expressing impersonality meanings in the works of contemporary Russian, Polish and Bulgarian poets. The author determines typological characteristics defining correlations between the lexical and semantic and functional grammatical categories of linguistic units in contextualised expression of impersonality.

Ключевые слова: имперсональность, славянские языки, поэтический текст.

Keywords: impersonality, Slavic languages, poetic text.

Одной из общих для всех славянских языков является категория имперсональности (безличности), которая характеризуется в сопоставлении с категорией лица [7, с. 384] либо определяется в составе общей семантико-синтаксической категории с точки зрения «отнесения субъекта предложения к какому-либо предмету во внешнем мире (референту) и степени выделенности (отдельности) этого предмета в пространстве и времени» [16, с. 272 – 273].

Основанием для анализа категории имперсональности в типологическом аспекте служит наличие в русском, польском и болгарском языках общих типов, т.е. понятий, отражающих особые черты групп объектов [15, с. 27]. К средствам выражения категории имперсональности относятся безличные глаголы, имеющие морфологические показатели 3 л. ед. ч. наст. вр., ср. р. ед. ч. прош. вр., безлично-предикативные слова, по форме совпадающие с существительными и наречиями на *-о* (включая модальные предикативы), языковые единицы на *-но/-то* (*-no/-to*) с общим страдательным значением, а также конструкции с отрицанием, главным компонентом которых в русском языке является слово *нет* и связочный глагол с отрицанием в форме прошедшего или будущего времени, в польском языке негативный компонент представлен глаголом с отрицанием *nie mieć*, в болгарском — глаголом *няма*, выражающим значение негативности префиксом *-ня* [12, с. 32; 10; 21, с. 160 – 161].

* Исследование проводится в рамках госбюджетной темы ГБ 1.4.05.

Средства выражения категории безличности имеют ограниченный круг лексических значений, которые можно представить следующим перечнем семантических групп: выражение состояния природы и окружающей среды; бытия, существования, наличия, отсутствия; недостатка, полноты, прибавления, убыли; физиологического и психического состояния человека; ощущений от внешних явлений; недостоверного восприятия действительности; расположения субъекта к действию; представлений о судьбе, роке; функционального состояния; действий, произведенных не указанным производителем; самостоятельно, непроизвольно возникающих процессов [20, с. 92–94; 7, с. 384–385; 8, с. 129–130; 12, с. 13–42; 21, с. 158–165; 10, с. 79]. В качестве синтезирующего функционально-семантического свойства средств выражения категории имперсональности выступают способы реализации специфических признаков субъекта действия (состояния) в высказывании. Вслед за Н. А. Тупиковой мы выделяем такие характеристики, как замещенность позиции «первого актанта» (термин Ю. С. Маслова [14, с. 104]): позиция замещена, открыта либо не может быть замещена; способ выражения субъекта действия (состояния): наличие эксплицитного, имплицитного либо невыраженного субъекта; способ представления субъекта действия (состояния) в высказывании: лицо (субъект) определенное, известное, ограниченное или неограниченное в своей неопределенности, обобщенное либо нулевое в плане его представления и выражения [17, с. 88].

Языковые единицы с семантикой имперсональности выступают в славянских языках одним из средств характеристики состояния субъекта и опосредованно отражают его внутренний мир [9, с. 22–26; 13, с. 4–6]. Это характерно для лирики как самого субъективного рода литературы [11, с. 7]. Материалом для данного исследования послужил массив фактов 2400 словоупотреблений, извлеченных из произведений российских, польских и болгарских поэтов 1940–2000-х годов, — лирические стихотворения С. Васильева, Р. Казаковой, В. Шимборской, А. Ксёнжика, В. Балевой, А. Андреева и др.

Выражение категории имперсональности в анализируемых текстах обнаруживает тесную связь лексико-семантических и функционально-грамматических признаков, свойственных языковым единицам. В таблице отражены данные, свидетельствующие о разноуровневой характеристике употребляемых в лирике средств, реализующих значение безличности. При этом их семантика не связана, как показывает материал, с обозначением представлений о судьбе, роке и самостоятельно, непроизвольно возникающих процессов. Среди специфических признаков субъекта действия (состояния) не зафиксированы случаи выражения субъекта действия (состояния), ограниченного чем-либо в своей неопределенности.

Функционально-семантическая характеристика средств выражения категории имперсональности в русской, польской и болгарской лирике*

Выражение субъекта действия (состояния)	Семантика средств выражения имперсональности											
	Состояние природы, окружающей среды	Бытие, существование, наличие, отсутствие	Недостаток, полнота, прибавление, убыль	Физиологическое состояние человека	Психическое состояние человека	Ощущения субъекта от внешних явлений	Недостоверное восприятие действительности	Расположение субъекта к действию	Представление о судьбе, роке	Функциональное состояние	Действия, произведенные не указанным производителем	Самостоятельно, непроизвольно возникающие процессы
Позиция первого актанта замещена, субъект эксплицитный, определенный	—	ОТР	БГ	БПС	БПС	БГ	БГ	БГ	—	БГ	—	—
Позиция первого актанта открыта, субъект имплицитный, известный из контекста	—	—	—	—	БПС	—	—	—	—	—	—	—
Позиция первого актанта открыта, субъект не выражен, ограничен в своей неопределенности	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Позиция первого актанта открыта, субъект не выражен, неограничен в своей неопределенности	БПС	—	—	—	—	—	—	—	—	ФНТ	—	—

Продолжение табл.

Выражение субъекта действия (состояния)	Семантика средств выражения имперсональности											
	Состояние природы, окружающей среды	Бытие, существование, наличие, отсутствие	Недостаток, полнота, прибавление, убыль	Физиологическое состояние человека	Психическое состояние человека	Ощущения субъекта от внешних явлений	Недостоверное восприятие действительности	Расположение субъекта к действию	Представление о судьбе, роке	Функциональное состояние	Действия, произведенные не указанным производителем	Самостоятельно, непроизвольно возникающие процессы

Позиция первого ак- танта открыта, субъ- ект не выражен, яв- ляется обобщенным	–	–	–	–	БПС	–	–	–	–	БПС	–	–
Позиция первого ак- танта не может быть открыта и замещена, субъект не выражен и невозможен	БГ	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–

Примечание. Морфолого-синтаксические средства выражения безличности: БГ – безличные глаголы, БПС – безлично-предикативные слова, ФНТ – формы на *-но/-то* (*-но/-то*), ОТР – конструкции с отрицанием.

В проанализированном материале выделяется несколько типов соотношения лексико-семантических и функционально-грамматических признаков, взаимосвязь которых при использовании языковых единиц обуславливает реализацию значения имперсональности в русских, польских и болгарских поэтических текстах.

Для обозначения состояния природы и окружающей среды, когда субъект действия (состояния) не выражен, в славянской лирике употребляются безличные глаголы и безлично-предикативные слова. Значение данных языковых единиц способствует образному описанию взаимоотношений, обстановки, индивидуально-авторского восприятия действительности в контекстах фантастического характера, описанию отдельных периодов биографии автора. В частности, польские безличные глаголы часто используются в тех случаях, когда герои стихотворений наделяются сверхчеловеческими качествами и способны преодолевать рамки обычной реальности, переходя в мир фантазии. Например, в стихотворении Виславы Шимборской «Kobiety Rubensa»: «Ich chude siostry wstały wcześniej, zanim się rozwidniło na obrazie. I nikt nie widział, jak gęsiego szły po niezamalowanej stronie płótna [6, с. 87]. В приведенном контексте собственно безличный глагол *rozwidniło się* (рассвело) [23, с. 586], обозначая наступление рассвета, сочетается с обстоятельством места «na obrazie» и употребляется в придаточной конструкции со значением временного предела, на который указывается в главном предложении. Болгарские глаголы употребляются в стихотворениях при обозначении явлений природы для изображения пассивного, пессимистичного состояния героя, не владеющего ситуацией, оказывающей негативное влияние на личность. Например, в стихотворении Андрея Андреева «Нощ през август»: «От миналото не остана нищо като че нищо и не е било ... и *свечерява* и не *свечерява*» [1, с. 22]. В контексте одновременно утверждения и отрицания *свечерява* (вечереет/темнеет) [22, с. 597] способствует описанию авторских размышлений о «вечере жизни». Поэтическое изображение безысходности подчеркивается безличным значением глагола, который выступает ключевым компонентом художественного образа.

В анализируемых текстах выражение семантики бытия, существования, наличия, отсутствия представлено только отрицанием, при котором позиция субъектного актанта замещена, субъект состояния является определенным, конкретным или абстрактным. Недостаток, полнота, прибавление или убывь чего-либо выражаются в лирических стихотворениях собственно

безличными и личными глаголами в безличном употреблении, выступающими в форме настоящего времени. При этом темпоральная характеристика словоформ в русских, польских и болгарских текстах различна. Российские и польские поэты чаще используют настоящее неактуальное потенциальное время, например: «Этой женщине *не хватает* лихости, и оттого ей лихо» [5, с. 237]; «*Brakuje daty. Pewnie już za różno. Butelka mogła długo pływać w morzu*» [6, с. 82], в болгарских стихотворениях отмечено значение настоящего актуального расширенного времени: «На мене ми *стига*, че с теб сме начало: единолюб и единочовек» [4, с. 26].

Физиологическое и психическое состояние человека характеризуется авторами с помощью безлично-предикативных слов, позиция первого актанта при этом может быть замещена или открыта, когда субъект является имплицитным, но известным из контекста либо обобщенным. Наблюдения показывают, что для создания прагматического эффекта сопричастности читателя внутреннему миру писателя славянские поэты используют безлично-предикативные наречия, обозначающие состояние обобщенного субъекта, при этом в русской и польской лирике данные языковые единицы отмечены в сочетании с инфинитивами, а специфика болгарского языка предопределяет иное морфолого-синтаксическое оформление – с помощью связочного глагола. Например, в стихотворении Сергея Васильева «Ситец»: «Про эдакий ситец *не стыдно петь*, про эдакий ситец цвести стиху!» [3, с. 32]; Виславы Шимборской «*Sen starego żółwia*»: «*Trudno osobę poznać po fragmentach: po stopie prawej albo stopie lewej*» [6, с. 208]; Андрея Андреева «Небето вчера всичко ми разказа»: «Крещях щастлив, понесен от вълните, защото в равнините на смъртта *най-страшното е*, стигнал гълбините, да те изхвърлят на повърхността...» [1, с. 7]

Ощущение от внешних явлений и недоверное восприятия действительности, расположение к действию, а также функциональное состояние связано с употреблением безличных глаголов при замещенной позиции субъектного актанта. Кроме того, значение функционального состояния зафиксировано, когда субъект состояния не обозначен самостоятельной лексемой, является обобщенным, а главным членом безличных предложений выступают безлично-предикативные слова.

Обозначение действий, произведенных не указанным производителем, отмечено в анализируемых текстах при употреблении форм на *-но/-то* (*-no/-to*), когда субъект является имплицитным и неограниченным в своей неопределенности. Следует отметить частотность реализации перфектной семантики состояния, возникшего в результате действия, произведенного в прошлом, само же состояние может мыслиться автором как имеющее место в момент речи, например у Сергея Васильева: «Двадцать три весны уже *подогнано* к одному большому знаменателю» [3, с. 33]; Виславы Шимборской: «*I widzę tylko gwóźdź, z którego zdjęto obraz*» [6, с. 86]; Веры Балевой: «Но в приказката *е* добре *описано*. Защо да го разказвам още?» [2, с. 24].

Проведенное исследование позволяет говорить о том, что в проанализированных текстах разграничивается несколько типов соотношения лексико-семантических и функционально-грамматических признаков, взаимосвязь которых при употреблении языковых единиц обу-

словливает выражение значения имперсональности в славянской лирике. Обобщенные данные свидетельствуют о регулярности реализации данных типов в русских, польских и болгарских стихотворениях при обозначении состояния природы; бытия, существования, наличия или отсутствия чего-либо; недостатка, полноты, прибавления или убыли; физического, психического состояния человека, ощущений субъекта от внешних явлений, его расположения к действию или функционального состояния, а также самостоятельно, непроизвольно возникающих процессов. Данная семантика связана с использованием определенных по своим формально-грамматическим характеристикам языковых единиц и соотносится с разными способами представления субъекта действия (состояния) в высказывании. Особенности поэтического изображения действительности в славянской лирике воплощаются в системе приемов индивидуально-авторского употребления средств выражения имперсональности.

Выявленные закономерности подтверждают перспективность обоснования понятия «славянская языковая личность» [18, с. 139; 19, с. 169] применительно к проанализированному материалу в сопоставительном и лингвокультурологическом аспектах.

Список литературы

1. Андреев А. Путьом: поэзия. София, 2000.
2. Балева В. Някъде във от живота: поэзия. София, 1999.
3. Васильев С. А. Собрание сочинений: в 3 т. М., 1977. Т. 1.
4. Иванова В. Нощем: стихове. София, 2001.
5. Казакова Р. Ф. Избранные произведения: в 2 т. М., 1985. Т. 1.
6. Szymborska W. Wiersze wybrane. Kraków, 2000.
7. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М., 1947.
8. Галкина-Федорук Е. М. Безличные предложения в современном русском языке. М., 1958.
9. Гапич О. В. Функционально-семантическое поле состояние в русском языке // Семантика слова в контексте высказывания. М., 1996. С. 22–26.
10. Георгиев С. Българска морфология. София, 1993.
11. Гинзбург Л. Я. О лирике. М., 1997.
12. Грамматика русского языка: в 2 т. Т. 2: Синтаксис. Ч. 2. М., 1960.
13. Лекант П. А. Семантика эмоционального состояния в форме безличности // Объект исследования – безличность: сборник научных статей. Архангельск, 2004. С. 4–6.
14. Маслов Ю. С. Глагол // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 104.
15. Солнцев В. М. Типология и тип языка // Вопросы языкознания. 1978. №2. С. 26–41.
16. Степанов Ю. С. Личности – безличности категория // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 272–273.
17. Тушикова Н. А. Формирование категории ин-персональности русского глагола. Волгоград, 1998.
18. Тушикова Н. А. Лингвистический аспект исследования документов начала XVII в. в составе «Русского» архива Яна Петра Сапеги // Studia Rossica Posnaniensia. Poznań, 2005. Zesz. 32. S. 129–140.
19. Тушикова Н. А. О выражении славянской языковой личности в деловых текстах начала XVII века // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 2: Языкознание. Вып. 6. Волгоград, 2007. С. 168–173.

20. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. М., 1941.
21. Bartnicka B. Gramatyka języka polskiego. Warszawa, 1990.
22. Бернштейн С. Б. Болгарско-русский словарь. М., 1986.
23. *Wawrzyńczyk J.* Wielki Słownik polsko-rosyjski. Warszawa, 2005.

Об авторе

Щербаков А. Ф. — магистр филологии, асп., Волгоградский государственный университет, djvibe@rambler.ru

Author

A. Scherbakov — Master of Philology, PhD student, Volgograd State University, djvibe@rambler.ru

